

4. Тарасенко Н.Ф. Природа, технология, культура. – К.: Наукова думка, 1985. – 254 с.
5. Волошин М. Культура, искусство, памятники Крыма. // Коктебельские берега. – Симферополь: Таврия, 1990. – 300 с.
6. Конради А.В. Сельскохозяйственное водоснабжение горной части Крымского полуострова. – СПб, 1894. – 116 с.
7. Челеби Э. Книга путешествий: походы с татарами и путешествия по Крыму (1641 – 1667 гг.). – Симферополь: Таврия, 1996. – 240 с.
8. Фадеева Т.М. По горному Крыму. – М.: Искусство, 1987. – 156 с.
9. Грибоедов А.С. Сочинения. – М.: Учпедгиз, 1959. – 250 с

Богачевская И.В.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Анализ дискурса является междисциплинарным направлением современной гуманитаристики. Каждому социальному институту современного общества присущ свой институциональный тип дискурса. Поэтому в современной философии дискурс является одним из самых популярных «междисциплинарных» исследовательских объектов. Тема анализа дискурса возникает в контексте логики, семиотики, теории аргументации, философии языка, анализа коммуникации, проблемы intersubjectivity, консенсуса, легитимации этических принципов. Дискурс рассматривают в целом как средство конституирования социума, обоснования социальных норм.

Термин «дискурс» используется в нескольких направлениях современной гуманитаристики. «Сегодня категория дискурс в социальных науках играет роль, подобную той, что отводится евро в европейской экономике» [1, 11]. Наиболее репрезентивными в научной литературе являются лингвистическое и общепсихологическое направления. Каждое из них выработало собственную дефиницию понятия дискурс и принципы анализа дискурсивных стратегий и практик согласно предметному полю своих дисциплин. Причем необходимо постоянно помнить, что содержательная наполненность данного термина в лингвистике отличается от его значения даже в литературоведении, не говоря уже о других гуманитарных дисциплинах, так, как философия, культурология, социология, психология и т.п.

А. Усманова в своем определении дискурса и дискурсии «в широком смысле слова» указывает, что дискурс (дискурсия) «представляет собой сложное единство языковой практики и экстралингвистических факторов (значимое поведение, которое манифестируется в доступных чувственному восприятию формах), необходимых для понимания текста, т.е. дающих представление об участниках коммуникации, их установках и целях, условиях производства и восприятия сообщения» [2, 240]. Традиционно под дискурсом понималось упорядоченное письменное, но чаще устное сообщение отдельного субъекта. В последние десятилетия термин приобрел новые оттенки значения и широкоиспользуется в гуманитаристике. Частое отождествление текста и дискурса связано, во-первых, с отсутствием в некоторых европейских языках термина, эквивалентного франко-английскому понятию discours(e), а во-вторых, с тем, что раньше в объем понятия «дискурс» включалась лишь языковая практика. В ходе становления дискурсивного анализа как специальной исследовательской области выяснилось, что значение дискурса не ограничивается письменным и устным высказыванием, но охватывает и внеязыковые семиотические процессы.

Между тем понятие дискурс и, в частности, религиозный дискурс, может плодотворно применяться при анализе религиозноведческой проблематики. Данная статья рассматривает понятие религиозного дискурса и его функциональные особенности в контексте исследования христианской письменной традиции, опираясь на методологические подходы различных гуманитарных дисциплин. Ее исследовательской задачей будет рассмотрение специфических черт религиозного дискурса, выделяемых современной гуманитаристикой, а также обозначение путей его исследования в контексте предметного поля современной философии религии и лингвистического религиоведения.

Актуальность предложенной темы определяется контекстуальным полем современной парадигмы гуманитарных дисциплин, спецификой постмодернистского философствования с его «дискурсивным поворотом», а также непроясненностью методологических аспектов использования термина «религиозный дискурс» в отечественном академическом религиоведении.

Широкое употребление понятия «дискурс» как родовой категории по отношению к понятиям «язык», «текст», «диалог» в философской, социологической и психологической терминологии стало нормой. В современной философии дискурс рассматривают как средство обоснования социальных норм, конституирующее социум вообще, как концептуальную схематизацию демократической системы, идеи открытого общества или идеала свободной коммуникации, где участники которой равны [3, 3]. Герменевтика, постструктурализм и постмодернизм выработали свое, довольно специфическое толкование сущности дискурса и сопредельных ему понятий. В контексте идей постструктурализма и постмодернизма дискурс все больше рассматривается как специфическая для конкретной культуры и социума языковая реализация, которая конституирует определенный «социальный порядок».

Философское звучание термина «дискурс» приобрел благодаря работам М.Фуко [4]. Дискурс понимается им как сложная совокупность языковых практик, которые принимают участие в формировании представлений о том объекте, который они допускают. В «археологических» и «генеалогических» поисках М.Фуко дискурс оказывается своеобразным инструментом познания, который репрезентует довольно нетрадиционный подход к анализу культуры. М.Фуко интересуется не денотативное значение высказывания, а, наоборот,

вычитывание в дискурсе тех значений, которые имеются в виду, но остаются невыраженными. В связи с этим возникает проблема анализа «дискурсивного события» в контексте внеязыковых условий возникновения дискурсии - экономических, политических и т.п., которые способствовали, хотя и не гарантировали его появление. Пространство дискурсивных практик обусловлено возможностью совмещать в языке разновременные события, которые высказывают из-под власти культурной идентификации, воссоздавая динамику реального. В дискурсии М.Фуко обнаруживает специфическую «власть провозглашения», наделенную способностью что-то утверждать. Говорить - значит иметь власть говорить. В этом отношении дискурс подобен всему другому в обществе - это такой же объект борьбы за власть. Во многом благодаря работам Фуко, Альтюссера, Дерриди, Лакана французская школа дискурсивного анализа отличается философской направленностью, вниманием к идеологическим, историческим, психоаналитическим аспектам дискурса.

В коммуникативной философии акцент в интерпретации дискурса делается на его интеракционной природе. Дискурс – это, прежде всего, язык, погруженный в социальный контекст (по этой причине понятия «дискурс» редко употребляется относительно древних текстов). Дискурс не является изолированной текстовой или диалогической структурой, так как намного большее значение в его рамках приобретает паралингвистическое сопровождение языка, которое выполняет ряд функций (ритмическую, референтную, семантическую, эмоционально-оценочную и др.), что актуализирует дискурс-анализ религиозных феноменов. Дискурс - это «важная составляющая социокультурного взаимодействия» (ван Дейк).

С точки зрения современной социальной лингвистики каждому социальному институту современного общества присущ свой институциональный тип дискурса. Так В.Карасик выделяет научный, религиозный, деловой, политический, массово-информационный, юридический, дипломатический, педагогический, медицинский, военный, рекламный, спортивный и другие типы институционального дискурса [5, 25-33].

Анализ языка религии в целом, нарративных систем отдельных религий, конфессиональных письменных традиций, жанрово-тематической структуры религиозных текстов представляется невозможным без анализа понятий «религиозный дискурс», «конфессиональный тип дискурсии», «дискурсивная сфера отдельной религии» и связанных с ними трансформаций, которые испытывают в разных дискурсивных сферах основные эпистемические сущности (знание, мысль, вера, факт) и процедуры (верификация, истинностная оценка и т.п.), так как содержательная специфика и степень значимости основных эпистемических сущностей каждой религии обнаруживает сильную зависимость от дискурсивной системы координат, в которой они реализуются контекстуально. Наиболее плодотворным видится анализ дискурсивной специфики христианства, как религии Слова, которая имеет мощную текстовую культуру и разнообразную письменную традицию во многих этно-конфессиональных проявлениях.

Каждый конфессиональный тип дискурсии базируется на специфической иерархической системе основных когний, каждая из которых получает в дискурсивной практике конкретной конфессии своеобразное семантическое наполнение. Религиозный дискурс представляет собой дискурс веры, которая доминирует над рациональным знанием и при этом допускает знание-откровение.

В каждой дискурсивной сфере (научной, религиозной, политической) названные эпистемические сущности различаются и в плане аксиологической ценности и субъектной распределенности. Так, в сфере религиозной практики вера как глобальная мировоззренческая категория представляет собой высочайшую интерсубъектную ценность. В то же время в сфере научной дискурсии, индифферентной к верованию, оказывается частично затребованной вера в своем сугубо гносеологическом аспекте, причем данная семантическая разнородность веры, как правило, редуцируется к неполноценной, «недоверифицированной» чужой мысли.

Стандарты верификации в сфере религиозной дискурсии базируются на том, что истинность понимается не как соответствие действительности, а как соответствие высшему, сакральному носителю истинности - Тексту, и соответственно операция верификации, по сути дела объединяется в единое целое с операцией объяснения, носит текстуальный характер отсылки. При этом попытки применения в сфере религиозной дискурсии далеких от нее логизированных, подчеркнута рациональных верификационных процедур расцениваются как бессмысленные. Если в сфере научной дискурсии суждение «Бог создал человека» относится к классу неверифицируемых и не отвечает требованиям к факту, - в рамках религиозной дискурсии приведенное суждение рассматривается как факт, отвечающий содержанию сакрального Текста и тем самым прошедший адекватную верификационную процедуру.

Не менее интересен анализ принципов истинностной оценки высказывания/текста в дискурсивной сфере религии. В любой дискурсивной сфере оценочная контрдискурсия может осуществляться в рамках критериев «верно/неверно», «правильно/неправильно». Религиозная же контрдискурсия допускает соблюдение презумпции искренности субъекта оцениваемого текста, а отклонение от истины рассматриваются в данной дискурсивной сфере как не контролируемые субъектом (ошибка, заблуждение, иллюзия); кроме того, истинностная оценка религиозного текста может дополняться таким специфическим параметром, как степень достаточности веры автора.

Таким образом, для адекватного анализа эпистемических параметров создания текстов культуры, а особенно религиозных текстов, очень важным оказывается требование четкой фиксации границ дискурсивной сферы, в которых эта деятельность осуществляется.

Религиозный дискурс, понимаемый как религиозный текст в ситуации реального общения, допускает разные исследовательские подходы. С позиций лингвистического подхода, который исследует собственно языковую, лексико-грамматическую ткань религиозного текста, можно анализировать религиозный дискурс в аспекте полноты, правильности, логичности высказываний текста. При таком подходе исследователь исходит из концепта «правильно построенного дискурса» как идеального типа, и возможных отклонений от него, вплоть до тех коммуникативных фрагментов, которые лингвистически проанализировать невозможно.

В рамках социологического подхода с позиции участников общения все виды религиозного дискурса распадаются на и статусно ориентированный дискурс. В первом случае участники общения стремятся раскрыть свой внутренний мир адресату и понять адресата как религиозную личность во всем многообразии личностных характеристик ее веры, во втором случае коммуниканты выступают как представители той или другой религиозной группы, выполняют ту роль, которая задается социально-коммуникативной ситуацией. Личностно ориентированный дискурс проявляется в двух основных сферах общения - бытовой и бытийной, при этом бытовое (повседневное) общение представляет собой генетически исходный тип дискурса, а бытийное общение выражается в виде теологического диалога. Статусно-ориентированный религиозный дискурс может иметь институциональный и неинституциональный характер в зависимости от того, какие религиозные институты функционируют в социуме в конкретный исторический промежуток времени.

Суть прагматического подхода составляет освещение способа общения в самом широком смысле. В рамках прагматических концепций дискурса [См.: 6] противопоставляются такие виды общения, как ритуальное - неритуальное, информативное - фасцинативное, фатическое - нефатическое.

Определенные характеристики видов дискурса, выделяемых на прагматическом основании, взаимоперекрещиваются. Неритуальное общение, например, может включать информирование, фасцинативный обмен текстами, фатическую и нефатическую составляющие. Элементы ритуального дискурса имеются почти в каждом из видов дискурса - и в бытовом (существуют семейные ритуалы), и в институциональном. Проблематично, впрочем, выделение ритуальных текстов в рамках бытийного дискурса, тяжело, например, довести ритуальность художественного или философского текста.

Одним из типов дискурса, выделяемых на прагматическом основании, является ритуальный дискурс, обладающий высокой символической нагруженностью, содержательной рекурсивностью и твердой формальной фиксацией. Поскольку степень ритуальности религиозного дискурса высочайшая, анализ специфики и функций ритуального религиозного дискурса оказывается одним из самых плодотворных направлений исследования в рамках данного предметного поля. «Ритуал - это язык религии» [7, 76], особенно в культуре народов, не имеющих письменности.

Ритуализация в разной степени присуща различным типам дискурса, выделяемым на социолингвистическом основании, и специфично преломляется в конститутивных признаках типов институционального дискурса (цель, участники, хронотоп, ценности, стратегии, жанры, прецедентные тексты и дискурсивные формулы). Эта специфика выражается в виде особой коммуникативной тональности, суть которой - осознание сверхценности определенной ситуации. Эмоционально-оценочный знак такой ситуации может быть как положительным (торжественное действие, награждение, сообщение), так и отрицательным (траурная речь, официальное отлучение). По своей сути ритуал является инициацией, т.е. переходом одного из его участников в новый статус (конфессиональный, брачный, иерархический и т.п.). Ритуальная тональность общения жестко закрепляет иерархию в коллективе и обосновывает сформированную в нем систему ценностей.

Таким образом, религиозный дискурс представляется актуальным объектом исследования в рамках философии религии, лингвистического религиоведения, нарратологии, культурологии а также широкого спектра смежных дисциплин современной гуманитаристики. Анализ религиозных текстов с точки зрения современной теории дискурса позволяет изучать их в широком социокультурном контексте, учитывая их конкретное место в системе религиозного культа. Именно такой подход к анализу христианской письменной традиции позволяет решать религиоведческие задачи, поскольку на первый план выдвигается именно религиозный дискурс, в рамках которого функционируют конкретные тексты, имеющие свою доктринальную и жанрово-литературную специфику.

Источники и литература

1. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
2. Усманова А.Р. Дискурсия, дискурс // Постмодернизм. Энциклопедия. – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – С.240.
3. Філософська думка, 2000, №2.
4. Фуко М. Археология знания. – К., 1996; Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. – М., 1996. – С.47-96; Foucault M. L'ordre du discours. – Paris, 1971.
5. Карасик В.И. Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000.
6. Карасик В.И. Ритуальный дискурс // Жанры речи 3. – Саратов: Колледж, 2002.
7. Gill S.D. Beyond «the primitive»: The religions of nonliterature peoples. – Prentice-Hall, 1982.

Бачихин В.Г. БЫТИЕ ВЛАСТИ

Принцип моральности и ответственности власти, провозглашенный украинской «оранжевой революцией», актуализирует проблему власти.

Актуальность проблемы обусловлена:

1. Значением категории власти в философских и политических науках, а также отсутствием четких объяснений основных дефиниций.
2. Возрастанием роли аксиологических подходов в осмыслении названной проблемы, что отразилось в ло-